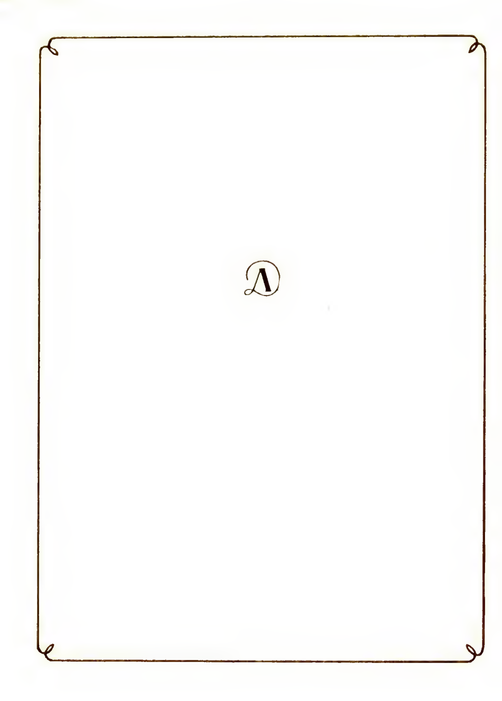
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Анна Снегина

Д

Анна Снегина

ПОЭМА

Иллюстрации
Б. Дехтерева

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Р2
Е82

Предисловие
Ю. Л. Прокушева

Е $\frac{4803010102-532}{М101(03)84}$ Без объявл.

ТЫСЯЧА БЕССМЕРТНЫХ СТРОК

(О поэме «Анна Снегина»)

Зане созрел во мне поэт
С большой эпическою темой.

Сергей Есенин

Почти каждый в своей жизни рано или поздно переживает минуты духовного озарения, когда волнующе-зримо встают в памяти живые картины прошлого, особенно те незабываемые мгновенья, когда в сердце вспыхивает впервые светлый огонь любви; или те, едва ли не самые счастливые дни, когда наиболее полно чувствуешь ты кровное единство с родной землей, которая тебя породила, поставила на ноги, и тогда открывается с наибольшей ясностью та истина, что судьба твоя с первых сознательных шагов неотделима от судьбы народной.

В эти взволнованно-светлые минуты бытия ты готов без колебаний отдать Родине, народу все самое дорогое, что у тебя есть, чем ты один лишь вправе распоряжаться: твоя любовь и жизнь.

Вместе с тем, как это порой ни прискорбно осознавать, *далеко не каждый* способен рассказать обо всем виденном и пережитом *лично* другим так, чтобы это *твое, личное,* стало для

миллионов соотечественников, для людей других стран и наций как бы их жизнью, их радостью и болью, их судьбой и надеждой.

Со всей определенностью следует особо подчеркнуть, что *только* глубоко национальный художник способен через себя, через свое авторское «я», мир своих мыслей и чувств раскрыть характер своего народа и выразить пафос своего времени.

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня...

Сколько гроз отшумело над родиной Пушкина за прошедшее столетие! Сколько исторических потрясений — и каких! — пережила Россия с той поры, когда в *памяти сердца поэта,* в далекой южной ссылке, за тысячи верст от *его* Петербурга, *впервые* так явственно обозначилась Пушкину судьба его героя, родившегося «на брегах Невы». Тогда-то, вдалеке от шумной светской жизни, от первых литературных успехов и встречи со славой, вдали от лицейских друзей, в которых было так много характерного, онегинского, зажили самостоятельной жизнью бессмертные строки «Евгения Онегина», покоряющие нас и сегодня естественностью и *простотой.*

Спустя сто лет, по-пушкински, «легко» и «просто» впервые зазвучали в русской литературе другие, знаменитые ныне, стихи:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя...

Они были рождены памятью сердца поэта «другой судьбы», за тысячи верст от его родных «рязанских раздолий», и так же, как пушкинские, — под звездным южным небом.

* * *

Сентябрь 1924 года. Есенин предпринимает поездку на Кавказ, вторую в своей жизни. Он еще не знает, что на *этот раз* пробудет здесь почти полгода; что эта поездка на юг станет как бы его, есенинской, болдинской осенью.

Здесь Есениным будут написаны многие его «маленькие поэмы»: «Письмо к женщине», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Письмо деду», «Ответ», «Стансы», «Метель», «Весна», «На Кавказе», «Поэтам Грузии», «Батум» и другие. «Баллада о двадцати шести», поэма «Цветы», стихи из цикла «Персидские мотивы»; здесь будет создана лучшая, «вершинная» поэма — «Анна Снегина». В Баку, Тифлисе, Батуме Есенин впервые опубликует двадцать семь своих новых произведений. Все это — за полгода! Если бы за этот короткий срок была написана лишь одна поэма, подобная «Анне Снегиной», то и тогда это, естественно, вызвало бы наше восхищение и преклонение перед талантливостью ее автора. Создать в *такие* сжатые сроки *такие* поистине классические произведения мог только гениальный художник.

Трудно представить то волнение, которое испытал Есенин, когда держал в руках рукопись только что оконченной поэмы «Анна Снегина», на последней странице которой была обозначена дата ее рождения: «Январь 1925. Батум».

Поэма была напечатана в четвертом номере «Красной нови» за 1925 год. «Радостный он пришел ко мне с номером журнала, еще пахнущим типографской краской, — вспоминает жена поэта Софья Андреевна Толстая-Есенина. — Раскрыл журнал и начал читать:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места...

И прочитал... всю поэму. Я сидела не шелохнувшись. Как он читал!»

В своих комментариях к поэме она же подчеркивает: «Анна Снегина» в значительной степени автобиографична. В ней определились некоторые моменты из личной биографии поэта, и революционные события в Петрограде, и в деревне, очевидцем и участником которых был сам Есенин».

Об обстановке в дни революции в родном селе поэта — Константинове — рассказывает сестра поэта Е. А. Есенина:

«1918 год. В селе у нас творилось бог знает что.

— Долой буржуев! Долой помещиков! — неслось со всех сторон.

Каждую неделю мужики собираются на сход.

Руководит всем Мочалин Петр Яковлевич, наш односельчанин, рабочий коломенского завода. Во время революции он пользовался в нашем селе большим авторитетом. Наша константиновская молодежь тех лет многим была обязана Мочалину, да и не только молодежь.

Личность Мочалина интересовала Сергея. Он знал о нем все. Позднее Мочалин послужил ему в известной мере прототипом для образа Оглоблина Прона в «Анне Снегиной» и комиссара в «Сказке о пастушонке Пете».

В 1918 году Сергей часто приезжал в деревню. Настроение у него было так же, как и у всех, — приподнятое. Он ходил на все собрания, подолгу беседовал с мужиками».

В пейзаже поэмы, лирических сценах «Анны Снегиной» также, по-своему, отразились константиновские впечатления поэта. «За церковью, у склона горы, на которой было старое кладбище, — вспоминает младшая из сестер поэта — А. А. Есенина, — стоял высокий бревенчатый забор, вдоль которого росли ветлы. Этот забор, тянувшийся почти до самой реки, огораживавший чуть ли не одну треть всего константиновского подгорья, отделял участок, принадлежавший помещице Кашиной Л. И., имение которой вплотную подходило к церкви... Л. И. Кашина была молодая, интересная и образованная женщина, владеющая несколькими иностранными языками. Она явилась прототипом Анны Снегиной, ей же было посвящено Сергеем стихотворение «Зеленая прическа...».

Конечно, Л. И. Кашина явилась для поэта лишь *одним из прототипов* его героини. После революции жизнь ее сложилась совершенно по-иному, чем судьба Анны Снегиной.

Сын Лидии Ивановны, Георгий Николаевич Кашин, рассказывает, что в 1917 году его мать «передала свой дом в Константинове крестьянам, а сама стала жить в Белом Яру, в усадьбе на луговой левой стороне Оки, выше Константинова... Сергей Есенин не раз бывал в Белом Яру. В двадцатые годы усадьба сгорела... В 1919 году Лидия Ивановна прочно обосновалась в Москве. Работала переводчицей, машинисткой и стенографисткой».

И еще: следует подчеркнуть особо, лишь «на расстоянии» после того, как Советская власть прочно утвердилась в русской деревне, открылась поэту великая правда Ленина. Характерна в этом отношении одна из «ключевых», кульминационных сцен «Анны Снегиной», когда радовские мужики настойчиво «пытают» своего земляка, героя поэмы, о самом главном и насущном для них в революции:

«Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг,
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»
И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.

Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

«Он — вы». Это и ответ героя «Анны Снегиной» крестьянам, и, в еще большей степени, ответ поэта самому себе. Это великое открытие поэтом для себя сути, существа Ленина, народности его революционного дела, его бессмертных идей.

Ленин, большевики впервые в истории крестьянской Руси посмотрели на «мужика» как на единственно реального и надежного союзника рабочей России в пролетарской революции. Вот что приводит Есенина вместе с трудовой крестьянской Русью к правде Ленина, к новому революционному берегу.

Едва ли не первым в мировой поэзии именно Есенин рассказал об объективном, исторически закономерном пути трудового крестьянства к пролетарской революции.

Октябрь в деревне — главная тема «Анны Снегиной». С революционными событиями 1917 года самым тесным и непосредственным образом связана судьба ее главных героев: помещицы Анны Снегиной, весь хутор которой во время революции крестьяне «забрали в волость с хозяйкой и со скотом»; крестьянина-бедняка Оглоблина Прона, борющегося за власть Советов и мечтающего побыстрее «открыть коммуну в своем селе»; старика мельника и его жены — доброй, ворчливой хлопотуньи; рассказчика-поэта, земляка Прона, вовлеченного революционной бурей в «мужицкие дела». Отношение Есенина к своим героям проникнуто глубочайшим лиризмом и нескрываемой, тревожной озабоченностью за их нелегкие судьбы:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

В отличие от первых произведений, воспевающих преображенную крестьянскую Русь как единое целое, в «Анне Снегиной» поэт показал разных «мужиков»: крестьяне-труженики, особенно деревенская беднота, горячо приветствуют Советскую власть и идут за Лениным; есть среди крестьян и такие, которых, по глубокому убеждению Прона, «надо еще варить»; есть закоренелые собственники, вроде «отвратительного малого» — возницы; есть крикуны и бездельники, как Лабутя, ищущие в революции «легкой жизни».

По-разному воспринимают ломку старых устоев и другие герои поэмы.

Анна Снегина, когда-то мечтавшая вместе с юным поэтом о славе, выбита революцией из привычного уклада помещичьей жизни. На что-то надеясь, она отправилась искать счастья на чужбину, но надежды растаяли и осталась только мечта об утраченной родине:

...Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна...

Долгое время об «Анне Снегиной» было принято говорить только как о лирической поэме, хотя очевидно, что источник ее художественной силы не только в глубокой лиричности, но и в эпической масштабности изображаемых событий.

Герой поэмы объединяет ее эпическое и лирическое течение в единое художественное целое. Взволнованный рассказ-воспоминание о юношеских встречах «с девушкой в белой накидке», о неожиданном свидании с Анной в «радовских предместьях» в дни революции, о ее письме «с лондонской печатью», полным тоски по родине, во многом определяет лирическую тональность поэмы, усиливает ее драматизм.

Последняя встреча героя поэмы с Анной Снегиной происходит «на расстоянье», для нас как бы незримо. Но от этого значение ее нисколько не снижается, а даже наоборот — возрастает, становится заглавно-ключевым.

Встреча эта открывает нам, в казалось бы уже хорошо знакомом по предыдущим главам лике и характере Анны Снегиной, едва ли не самое главное и существенное, а именно: *чувство родины, которым до краев наполнена ее исстрадавшаяся душа.* Чувство это помогает нашей героине сохранить себя как личность, при всех ошибках и заблуждениях, — личность, достойную самого искреннего, живого соучастия к ее судьбе, сложившейся в годы революционных потрясений столь трагически-печально.

В самом деле, еще раз вдумаемся в строки «лондонского» письма нашей героини, по «легкости» слога поначалу, казалось бы, таком «беспечном». Оно не только проникнуто горьковатыми, словно полынь, раздумьями-воспоминаниями о безоблачно-счастливых днях юности, но и наполнено мудрым прозрением будущего России. Вместе с тем в нем суровая, бескомпромиссная оценка своей собственной жизни: «Теперь там достигли силы. Дорога моя ясна...»

В путях и перепутьях по чужим землям и весям Анна

Снегина не растеряла, не утратила в сердце главного — верности Родине.

Неотступная мечта хоть на мгновенье оказаться рядом с Родиной в чужой далекой стране приводит нашу героиню в порт, на пристань. Цель одна, единственная. Еще раз ощутить волнение и тревогу от встречи с родиной, с живой ее частицей — входящим в гавань пароходом из Советской России.

Конечно, все не так просто! Есенин прекрасно зто сознает. Красный флаг с серпом и молотом, на который с каждым разом «все пристальней», со скрытой надеждой, смотрит Анна Снегина, и радует ее как знак Родины, и вместе с тем попрежнему еще и страшит.

Это — естественно. Нашей героине памятно все то, что она лично пережила на родине, в дни революции. Хотя она тогда и не ответила на прямой вопрос, обращенный к ней:

«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.

Это «странное» молчание было вызвано не только невосполнимыми личными утратами и потерями. Несомненно, есть здесь и еще одно, немаловажное обстоятельство. Как умный, честный, по-своему проницательный человек, Анна Снегина где-то в глубинах своего сознания чувствует и другое: историческую справедливость и неизбежность народного восстания. Это прозрение позволит ей позже, в змиграции, преодолеть «обиды» на Советскую власть, стать мудрее, демократичнее и, что особенно поучительно, ранее других соотечественников, оказавшихся «на том берегу», осознать ту истину, что в годы революции Россия не пропала, не «сгибла», а возродилась и «достигла силы», что России Пронов Оглоблиных — России с красным советским флагом отныне открыт светлый путь в будущее.

С каждым годом зта новая Россия становится для Анны Снегиной все ближе. Мечты, думы об зтой, казалось бы, навсегда утраченной и вновь обретенной родине — теперь, пожалуй, единственное, что еще как-то согревает душу нашей героини и удерживает ее на зтой грешной земле. Трагизм и драматизм судьбы Анны Снегиной, как личности незаурядной, все

время нарастает. Все яснее она осознает, что ей практически нет возврата в прошлое. Все более недоступно-далекими становятся для нее родные «радовские предместья»: там кипит иная жизнь. Оттого-то так настойчиво ищет она любого случая, любой зацепки в окружающей действительности, которые хотя бы на время поддержали ее морально и укрепили духовные связи с родиной.

Вот почему особенно дорого ей все то, что напоминает о России; вот почему, видя судно под советским флагом, она не в силах скрыть своих волнений; вот почему в минуты душевного одиночества она настойчиво пробуждает в своей памяти, как последнюю надежду, мечту-воспоминание о юном поэте, который так «пылко» был когда-то в нее влюблен и который, оказывается, по его собственному признанию, навсегда сохранил это чувство, несмотря на все превратности судьбы:

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

Теперь на чужбине для Анны Снегиной все роднее и ближе становится именно образ этого человека, любовь которого она в те далекие годы отвергала как бы шутя, да и позднее, когда эта любовь могла бы вспыхнуть «вторым огнем», постаралась, как ей казалось в ту пору, «мудро» ее погасить.

Да, сложен мир человеческих отношений, сложны, порой почти просто логически не объяснимы стихийные порывы людских сердец, движения наших душ, временами таких странных и почти неуправляемых. Вот и Анна Снегина, узнав, что человек, который был в нее влюблен, жив, что он и сегодня — в России, отправляет на родину взволнованное письмо. С надеждой, вверяя бумаге «всю грусть» своих слов, она, быть может впервые, решается сказать ему открыто, что и ей тоже многое памятно и дорого:

Там часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.

А главное, сказать ему, что он значит для нее, особенно теперь:

Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна.

Конечно же, и мы, да и сама Анна Снегина, прекрасно понимаем, что **такое**[1] письмо прежде всего было необходимо для нее лично. Оно как якорь спасения ее души, каждая его строка — сокровенная исповедь перед близким человеком, перед своей совестью и прежде всего перед Родиной, которую она любит до боли сердечной и которую в силу классовых предрассудков покинула, к сожалению, в дни революции.

Что же касается героя поэмы, то он к словам старого мельника о письме, которое тот почти два месяца тому назад «приволок» для него с почты, относится поначалу несколько иронически: «Конечно! Откуда же больше и ждать!» Но вот письмо прочитано. Открытость сердца Анны Снегиной, ее исповедальный рассказ, наконец, явно неожиданное признание, что отныне образ его неотделим для нее от *образа весны, образа Родины,* — все это невольно заставляет нашего героя многое вспомнить и как бы пережить заново. Он понимает: *такие* письма не пишутся случайно, «беспричинно». От равнодушия, с которым он поначалу воспринял лондонское послание, не осталось и следа. Перед ним волнующе-зримо встала прекрасная пора юности: живые, озаренные картины тех солнечных дней на какое-то мгновенье отогрели его устало-одинокую душу, и все, вплоть до мелочей, окружающих его теперь в радовских местах, как-то само собой явственно напомнило ему то далекое время, когда все казалось таким прекрасным:

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

---

[1] Подчеркнуто мной. — *Ю. П.*

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Поэма закончена. С нескрываемой грустью расстаемся мы с героями Сергея Есенина, которых за это время успели не только хорошо узнать, но и искренне полюбить, как почти живых, реальных людей, наших добрых «знакомых незнакомцев». Что там говорить: душа наша прикипела теперь к ним навсегда. О них мы будем охотно вспоминать и рассказывать. И что еще весьма примечательно: после встречи с героями поэмы «Анна Снегина», после всего того, что мы пережили вместе с ним, мы начинаем как-то более пристально вглядываться в себя, в прожитые нами годы; мы чувствуем, как окрыленнее становится у нас на душе.

Неодолимо притягивает нас сердечная доброта есенинских героев, их честность, мужественность, любовь и гражданская верность Родине.

Правда, нам так и не дано знать, получит ли Анна Снегина ответ из России на свое письмо, в котором столько женского достоинства и чистоты, столько красоты женской души, что, читая его, вспоминаешь невольно знаменитое письмо пушкинской Татьяны к Онегину. Наконец, не суждено нам узнать и того: будет ли Анна Снегина снова писать своему радовскому адресату. Скорее всего, нет! Все, что ей было необходимо сказать, она уже сказала. Повторяем: поэма завершена автором, и завершена гениально просто и мудро.

Сколько зримых, конкретно-исторических событий Октябрьской эпохи и прежде всего непримиримой классовой борьбы в русской деревне, сколько общечеловеческого, вечного, что веками составляло суть духовной и плотской жизни рода людского и что продолжает волновать нас всех и каждого, смог вместить Есенин в характеры, поступки, а точнее — в сложные, драматические противоречивые судьбы своих главных героев и прежде всего — Анны Снегиной. Он наделил их глубоко индивидуальными, неповторимыми чертами. Каждый из них живет на страницах поэмы **своей** жизнью. У каждого в сердце — своя любовь; каждый из них по-своему видит красоту мира и всей душой предан России.

* * *

Поэзия ведет вечный бой за Человека!

Великие художники — всегда великие гуманисты. Как негасимый огонь, проносят они через века свою неколебимую любовь и веру в Человека, в то, что будущее его светло и прекрасно. По своей творческой сути, по своим убеждениям и идеям они великие мыслители и революционеры духа; они постоянно и настойчиво вслушиваются в биение народного сердца, в могучее дыхание своей родины, чутко улавливая при этом нарастающие раскаты новых революционных бурь и потрясений. Все это и делает их позицию бессмертной и вечной. Таков безымянный автор «Слова о полку Игореве», таков наш Пушкин, Лермонтов и Некрасов, наш Маяковский и Блок, таков Сергей Есенин...

Ныне становится все очевиднее, что Есенин в годы революции, находясь в постоянных, тревожных раздумьях о будущем «полевой» Руси, о том, «куда несет нас рок событий?», был предельно обеспокоен завтрашним днем всего человечества. Ему, как когда-то Льву Толстому из Ясной Поляны, из своего «знаменитого села» Константиново открывался и проглядывался до самых дальних далей весь современный окружающий его мир, в вечном борении человеческих страстей, непримиримости добра и зла, света и тьмы, богатства и нищеты,— мир, охваченный революционной октябрьской бурей. Лик этого мира встает перед нами зримо в бессмертных строках классической поэмы Сергея Есенина — «Анне Снегиной».

Ю. Прокушев

Анна Снегина

А. Воронскому[1].

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя.

[1] Воронский А. К. (1884—1943) — литературный критик.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но — грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягóт,
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое,
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.

Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья вожжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

*

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»[1], и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смрадном огне
Тогда над страною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать,
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

[1] «Липа» — подложный документ. *(Примеч. С. А. Есенина.)*

*

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норов ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чаишко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

. . . .

Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый.
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штучек шесть —
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

*

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:

«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятья мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»
«На год».
«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...
Четвертый
Тебя не видали мы год...»

. . . .

. . . .

Беседа окончена...
Чинно
Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

«Ну что ж! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки.
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала?»

И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...
Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криуши...
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

*

Иду голубою дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк.
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
— Не тот ли, поэт?
— Ну, да, — говорю, — он самый.
— Блондин?
— Ну, конечно, блондин!
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин!
— Когда он приехал?
— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда.
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

*

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам

Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

3

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, знать, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,

На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.
. . . .

Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...
Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел.
Меня же про это заставил
Забыть молодой офицер...»

*

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.

Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...[1]
Отделано четко и строго.
По чувству — цыганская грусть».
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю».
«Кому же знать?»
«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать».
«Шутник вы...»
«Вы тоже, Анна».
«Кого-нибудь любите?»
«Нет».
«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.

. . . .

Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

[1] Про кабацкую Русь... — Цикл «Москва кабацкая» написан в 1922—1923 годах. Действие в поэме происходит в 1917 году.

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

*

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегает, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите.
Вы самый близкий.
С любовью

Оглоблин Прон».

Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищалый народ.
«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даешь, мол, твои угодья
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкеть —
Таких отдают с придачей,

Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чьем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай — не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога...
Припудрись...
Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!.. —
Повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.

Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.

Я понял —
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы — жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенесть.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...

Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуну
Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,
Мужик — что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! —
Кричал он. —
Петя!

Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».
Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»
. . . .
Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:
«Даешь! Разберем потом!»
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...
. . . .
Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...
Тогда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —
Она говорила:
«Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.

Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую быль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутыль...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вобще продолжать...
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор...

. . . .

«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:

«Ну, ладно...
Пора на покой...»
. . . .

Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

5

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в далях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, —
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.

Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!

Владелец землей и скотом,
За пару измызганных «катек»[1]
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.
Довольно стонов!
Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет.
Утешь!
Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...
Дуровая зыкь она.
Хошь верь, хошь не верь ушам —
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой — околеть.
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.
Тогда вот и чикнули Проню,
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:

[1] «Керенки», «ходи», «катьки» — простонародные названия денежных знаков, бывших в обороте в то время.

«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить».
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

*

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!
. . . .
И ты уж старик по годам...
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам».
«Подарок?»
«Нет...
Просто письмишко.
Да ты не спеши, голубок.
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!
Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

. . . .

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Январь 1925 г.
Батум

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Сергей Александрович Есенин

АННА СНЕГИНА

ИБ № 9273

Отаетствекный редактор *Г. И. Гусева*. Художествеикый редактор *В. А. Горячева*. Техккческие редаиторы *С. Г. Маркович* и *Л. С. Стёпина*. Корреиторы *М. Ю. Мерперт* и *Г. В. Русакова*. Подпксаио и печати с готоаых диапозктkаов 24.10.84. Формат 60×84/16. Бум. офс. № 1. Шркфт обыииоаеииый. Печать офсеткая. Усл. печ. л. 2,79. Усл. ир.-отт. 11,63. Уч.-изд. л. 3,13. Тираж 300 000 зиз. Заказ № 45. Цека 20 иоп. Ордена Трудового Краского Зиамеии издательство «Детская литература» Государстаеккого иомитета РСФСР по делам издательста, полкграфии и иккжиой торговли. Москва, Цектр, М. Черкасский пер., 1. Калииинсиий ордеиа Трудового Красиого Зкамеии полиграфиомбииат детской литературы им. 50-летия СССР Росглааполиграфпрома Госиомиздата РСФСР. Каликкк, проспеит 50-летия Октября, 46.

Есенин С. А.

E82 Анна Снегина: Поэма/Рис. Б. Дехтерева.— М.: Дет. лит., 1984.— 47 с. ил.

20 к.

Позма С. А. Есеиииа издается с предислоаием Ю. Проиушеа.

Е $\frac{4803010102-532}{M101(03)84}$ Без объявл.

Р2

20 коп.

«ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»